

Снѣжный
бурань.

Тѣ холмы, которые образуютъ предгорія вышеописаннаго хребта отъ равнины Напчитай-улань-мурени къ перевалу Ангырь-дакчинь, совершенно безплодны. Намъ пришлось ночевать въ подобной мѣстности. Мало того, ночью поднялся сильнѣйшій снѣжный бурань съ запада, при морозѣ въ 23°. Идти въ путь нечего было и думать; между тѣмъ ни лошадямъ, ни верблюдамъ корма не имѣлось; бѣдныя животныя томились голодомъ и дрожали отъ холода. Не сладко было и всѣмъ намъ. Наша юрта и казачья палатка были занесены ночью снѣгомъ и пескомъ; вѣтеръ пронизывалъ даже войлоки. Утромъ, когда по обыкновенію заводились хронометры, ихъ едва можно было держать въ рукахъ, до того они охладились ночью, не смотря на то, что лежали у меня подъ изголовьемъ и были завернуты въ лисій мѣхъ. Аргалу для топлива отыскать было невозможно; запаснаго же имѣлось немного, да при томъ и зажечь его весьма было трудно въ подобную погоду. Словомъ, Тибетъ, на прощанье, какъ будто хотѣлъ угостить насъ еще разъ всѣми своими прелестями.

Къ полдню вѣтеръ стихъ и немного потеплѣло. Мы тотчасъ завьючили верблюдовъ; но лишь только двинулись съ мѣста, какъ снова заигралъ снѣжный бурань, неперестававшій до ночи. Мы прошли, чуть не ощупью, 16 верстъ, перевалили весьма пологимъ подъемомъ и довольно сноснымъ спускомъ черезъ хребетъ Марко-Поло, и остановились ночевать при выходѣ изъ него, въ совершенно безплодномъ ущельѣ.

Выносливость
туземныхъ
лошадей.

Такимъ образомъ, наши животныя уже другія сутки не имѣли корма. Положимъ, для верблюдовъ это дѣло привычное, но для лошадей не совсѣмъ. Тѣмъ изъ этихъ лошадей, которыя ѣли мясо, мы дали по куску говядины; затѣмъ свели на ночь всѣхъ четырнадцать нашихъ коней въ кучу и высыпали имъ мѣшокъ пуда въ два хуланьяго помета, собраннаго дорогою. Голодныя лошади съ радостію бросились на такую пищу и живо подобрали весь пометъ. Тѣмъ должны были и удовольствоваться на всю долгую, морозную ночь; на завтра же опять идти подъ верхомъ цѣлый переходъ.

Но и баснословно же выносливы степныя лошади вообще, а тибетскія въ особенности! Цѣлыя тысячи верстъ онѣ выхаживали съ нами, обыкновенно на самомъ скудномъ подножномъ кормѣ, не только лѣтомъ, но даже зимой; пили всякую воду; случалось, выносили продолжительную жажду— и всетаки оказывались бодрыми, иногда даже непохудѣвшими замѣтно. Такъ, напр., одна изъ подобныхъ лошадей сходила взадъ и впередъ изъ Кульджи на Лобь-норь; затѣмъ, послѣ двухъ мѣсяцевъ отдыха, прошла отъ той же Кульджи по Чжунгаріи до г. Гучена и обратно въ Зайсань— словомъ, сдѣлала подъ верхомъ четыре тысячи верстъ, при томъ большею